Глава 87: Благосклонность

После долгих раздумий Цзян Шусюань, наконец, признал серьезность намерений Гу Сицяо, что это не её мимолётная фантазия.

К этому времени он уже довольно хорошо узнал её темперамент. Если она во что-то верит, то ни за что не откажется от задуманного. Девушка была очень упряма, и это огорчало.

Холодный суровый взгляд немного смягчился. Молодой человек вышел из комнаты, тихо прикрыв дверь и приказав госпоже Чжан соблюдать тишину, чтобы не потревожить концентрацию Гу Сицяо. Затем он спустился вниз более мягкой, чем обычно, походкой.

Когда спустя некоторое время Гу Сицяо спустилась в гостиную, Цзян Шусюань сидел у окна, держа в руке маленький мячик. Периодически он бросал его в произвольном направлении, и Хаха бросался за игрушкой, виляя хвостом от восторга.

Как ни странно, чувства Цзян Шусюаня оставались остры, как и его взгляд. Все его тело источало леденящую ауру. Иногда Гу Сицяо все еще испытывала некоторые опасения, находясь рядом. Но Хаха, похоже, со времен полностью приспособился.

- Закончила? Как раз к ужину, - сказал Цзян Шусюань, заметив девушку. Он отложил мяч на стеклянный столик и прошел на кухню, чтобы попросить госпожу Чжан накрыть на стол.

Хаха побежал прямо к Гу Сицяо, глядя на неё большими, круглыми и мерцающими глазками. Сердце Гу Сицяо растаяло от этого вида. Хаха уже почти месяц находился в хороших условиях. Ко всему прочему госпожа Чжан через день вычесывала Хаха, отчего щенок превратился в настоящую породистую собаку. Шерстка Хаха была мягкой и шелковистой, словно снег, из-за чего окружающие не могли отказать себе в удовольствии прикоснуться к нему.

Собаки - разумные существа, они прекрасно понимают, кто добр к ним. И именно такие редкие проявления заботы обычно холодного Цзян Шусюаня порадовали маленькую собачку, как никогда прежде.

Гу Сицяо подхватила Хаха на руки и слегка споткнулась при этом.

- Хаха, если ты наберешь еще несколько фунтов, я больше не смогу носить тебя на руках.

Хаха жалобно заскулил, глядя на хозяйку снизу вверх, широко раскрыв и без того большие невинные глазки.

- Ладно, ладно, перестань притворяться несчастным, - сказала Гу Сицяо, почесывая Хаха за ушками. Вскоре стол был накрыт, и девушка, отпустив Хаха, пошла мыть руки.

Обычно Гу Сицяо каждый день после ужина пробегала с Хаха несколько кругов, но сегодня её позвал Цзян Шусюань.

Он посмотрел ей прямо в глаза, выражение его лица было серьезным.

- Почему ты вдруг заинтересовались медициной?

Очевидно, что у неё был некий талант в области медицины, но молодой человек все еще беспокоился. Среди его знакомых было несколько семей, которые рискнули заняться медициной. Они с самого детства до совершеннолетия погружались в изучение даже незначительных нюансов, зарываясь в горы книг. Когда они поступали в университет, в дополнение к лабораторным экспериментам, добавлялись теоретические занятия. Время от времени требовалось проходить стажировку. Став врачами, такие люди оказывались заняты еще сильнее, практически полностью лишаясь времени на отдых. Иногда требовалось решать чрезвычайные ситуации прямо посреди ночи или по телефону.

Профессия врача была хороша и предоставляла определенные привилегии. Но когда что-то шло не так, публика, не колеблясь, бросалась обидными обвинениями.

Справедливости ради, это не очень то и благодарная профессия.

Вспоминая обычно спокойный характер Гу Сицяо, Цзян Шусюань чувствовал, что должен должным образом обсудить с ней выбор профессии.

- Я выбрала медицину не по собственной прихоти. Я просто надеюсь, что смогу помочь своим родным и друзьям. У меня ведь есть талант, верно?

Гу Сицяо бессознательно коснулась браслета на руке, думая о Му Цзятонг и Ло Вэньлине, которые все еще находились в отделении интенсивной терапии. Они оба смотрели на неё, как на маленькое солнце. Как она могла допустить, чтобы их жизнь закончилась едва начавшись?

Видя, что Цзян Шусюань остался невозмутим, Гу Сицяо упомянула руку Инь Гофу. Её наблюдения не были ошибочными, у Инь Гофу обнаружилась скрытая рана на руке, и она становилась всё хуже.

Цзян Шусюань поднял бровь.

- Талант к чему-то трудно превратить в профессиональную карьеру. Цель изучения медицины - спасти мир, и это ценно только в том случае, если ты способна охватить все знания. Время жизни человека ограничено, но некоторые проживают свои жизни, так и не задумываясь над

тем, чем хотят заниматься. Ты действительно намерена отказаться от других интересов, таких как живопись, ради медицины?

Он надеялся, что у Гу Сицяо хватит решимости. В мире существовало не так много гениев, но было еще больше людей, которые закончили так, как в истории о Шан Чжунъюне, блестяще талантливом гении, но в конечном итоге превратившимся в посредственность по вине собственной слабости.

Семья существовала для неё только на словах. Иметь таких родных было все равно что не иметь их вообще. Поэтому он надеялся, что сможет дать ей немного больше наставлений на будущее.

Гу Сицяо кивнула без колебаний, если бы ей это совсем не нравилось, она бы не тратила столько времени на чтение книг. Честно говоря, впервые она нашла именно то, что ей действительно было интересно.

Конечно, она не сказала, что больше всего ей не хватало времени. Пока у неё были очки, она располагала практически неограниченным запасом времени. Мало того, даже система выдавала различные миссии для развития, так что её интерес был определенно выше, чем у обычного человека.

Однако Гу Сицяо планировала продолжать совершенствовать живопись в виртуальном пространстве, но в тайне от Цзян Шусюаня, иначе он мог что-то сказать по этому поводу.

Вряд ли она откажется от всего остального, если будет заниматься медициной.

- Хорошо, тогда можешь наблюдать за рукой дедушки Инь в течении следующих нескольких дней, - сказал Цзян Шусюань, видя решимость на лице девушки. Затем он повернулся, взял ключи от машины и вышел из дома.

Наблюдая, как молодой мужчина быстро скрывается из её поля зрения, Гу Сицяо задумчиво потерла подбородок. Она не знала, что он имел в виду. Но должна была признать, что очень приятно, когда есть кому беспокоиться о её будущем.

*****

Человек, совсем недавно переживший опыт "отца", прибыл в поместье семьи Инь.

Охранники семьи Инь узнали его, так как Инь Шаоюань побоялся, что незначительные охранники оскорбят великого Бога. Он намеренно передал охране фотографию Цзян Шусюаня, чтобы все узнавали его в лицо. В первую очередь речь шла о безопасности самих охранников, чтобы те не познали смерти даже не зная откуда она пришла.

На этот раз Цзян Шусюань пришел ради встречи с Инь Гофу. Он полностью проигнорировал Инь Шаоюаня, который подошел поприветствовать его.

Рука Инь Шаоюаня так и повисла в воздухе, в то время как Тан Яньлин пробормотала:

- О, Шусюань! Захвати с собой одежду для Цяо Цяо! Я хочу, чтобы она всё примерила и отправила мне фотографии.

За последние несколько дней круг друзей Тан Яньлин засыпал её похвалами в адрес Гу Сицяо. Как только женщина начала хвастаться своей ослепительной крестницей, она уже не могла остановиться, даже если бы захотела.

Это привело к тому, что молодой мастер Инь задался вопросом, вспомнит ли родная мать о нём когда-нибудь?

Тан Яньлин никогда прежде не фотографировалась с ним, чтобы похвастаться в кругу своих друзей, он все еще считается её родным сыном?

Инь Гофу сидел в своем кабинете, легко держа в руке гладкую кисть. Кончик кисти едва касался бумаги, но старик так и не решался что-то написать. Если внимательно присмотреться, то можно было заметить, что кисть слегка дрожит. Через некоторое время он отложил её в сторону и глубоко вздохнул.

Невозможно.

Когда Цзян Шусюань вошел, Инь Гофу уже сидел за низким столиком и заваривал чай.

Он был стар. Его дети, как и внуки, были независимы и не вызывали у него никаких беспокойств, так что он пребывал в мире с самим собой. Он любил проводить время среди цветов и растений, заваривая чай и наблюдая за птицами, и это была весьма размеренная жизнь. Заметив младшего, старик продемонстрировал умение, которое обычно скрывал.

Приготовление чая было исключительно техническим навыком. Цзян Шусюань сделал глоток, восхищаясь мастерством Инь Гофу.

Инь Гофу усмехнулся, но не забыл о цели визита.

- Я уверен, ты пришел в столь поздний час не только для того, чтобы выпить мой чай?

- Конечно, - ответил Цзян Шусюань, поставив чашку и бросив на него торжественный взгляд.

- Я хотел бы знать, дедушка, не повредил ли ты правую руку ранее?

Как только эти слова слетели с его губ, Инь Гофу удивленно поднял голову и уставился на него в легком шоке.

Еще подростком Инь Гофу отправился на фронт. Военные медали, висевшие в кабинете, обменивались на его собственную кровь. В то время он был снайпером. Благодаря исключительным умениям он поднялся по служебной лестнице и стал командиром уже в достаточно зрелом возрасте. У какого солдата не было ран? Он получил огнестрельное ранение в правую руку - пуля пробила кости. Уровень медицины в то время не позволял полностью излечить внутренние травмы. Ранение оставило неизгладимый след. Он до сих пор не мог свободно использовать правую руку.

Кто бы мог подумать, что снайпер, который не прикасался к оружию двадцать лет, был до смерти напуган.

Теперь же требовалось прикладывать много усилий, чтобы просто написать несколько символов. Что уж говорить о том, чтобы поднять винтовку.

http://tl.rulate.ru/book/42566/1237067